Заглядевшись на горы, можно загнать насмерть коня. А если дело в Гималаях, не только кони — бегемоты передохнут. (прим. Заглядевшись на горы, загнать коня — идиома со значением "кажется близко, а на самом деле далеко".)

Трупы впереди намертво примерзли к скале, эти тела хорошо были видны на фоне белого снега. До них было всего несколько десятков метров, но идти пришлось около четырех часов.

Оглянувшись назад, Молчун понял, что никакой тропы на самом деле не было. Они шли по скальным выступам, выдающимся далеко вперед над пропастью, поэтому быстро добраться до мертвецов практически невозможно. Спешка в таком месте смертельно опасна. Он вспомнил слова ламы Дэжэня: крутая гора, которая кажется неприступной, на самом деле не опасна. По-настоящему коварны те горы, что кажутся простыми для восхождения, именно они забирают больше всего жизней.

Но, несмотря ни на что, он не собирался отступать.

Лаба все же был стар и долго собирался с силами, прежде чем отправиться посмотреть на замерзших мертвецов.

Их было немало. Глядя на позы, Лаба понял, как они умерли. Укрываясь от ветра они прижались спиной к скале, точно как он недавно отдыхал. Должно быть, они оказались измучены, пережидая непогоду, и, когда ветер утих, решили еще немного отдохнуть. Но температура внезапно резко упала, люди, уже страдавшие от усталости и истощения, быстро замерзли.

В местах, где свирепствует холод, сон и смерть — понятия равнозначные. Часто, чтобы замерзнуть насмерть, достаточно всего несколько секунд полудремы.

"Господин, эти люди шли из внутренних районов Гималаев. Когда они отдыхали здесь, резко похолодало, непогода их измотала, и они замерзли насмерть. Этим еще повезло. Думаю, людей было больше, но многие сорвались в пропасть. Их тела уже погребены под снегом, их никогда не найдут".

"Из внутренних районов? — с любопытством спросил Молчун. — Кто-то ходит вглубь Гималаев?"

"Это не то, о чем думает господин. Иностранцы часто заходят в ничейные земли, но без какой-то определенной цели. Им нужен короткий путь, вот и заходят в глушь, чтобы быстрее пересечь Гималаи. Но они ничего там не ищут и не исследуют", — ответил Лаба. Ничейными землями он называл внутренние районы Гималаев, мало исследованные и практически безлюдные.

Молчун кивнул, не отрывая взгляда от темного перевала, откуда пришли эти люди. И Лаба опечаленно вздохнул.

В этот момент младший носильщик, добравшийся до мертвецов, что-то крикнул по-тибетски. Молчун не понял, и Лаба перевел: "Там все чужаки".

Старик вытянул голову. От ветра и снега его глаза слезились, но даже так он мог рассмотреть некоторые позеленевшие лица мертвецов. Знакомых людей среди них не было.

Вряд ли они знали всех носильщиков из Медога. Но здесь погибло так много людей. И если носильщики были отсюда, то хотя бы нескольких Лаба узнал бы. Однако, он не видел знакомых

лиц.

"Они не из Медога", — уверенно сказал Лаба и заметил, что Молчун вопросительно смотрит на него. Пришлось объяснять: за последнее время в таком количестве из Медога в Гималаи никто не уходил. Так откуда же взялись эти люди? Может, они пришли в Гималаи с другой стороны и просто случайно оказались на этой тропе?

Это и смущало Лабу. Он знал, что через ничейные земли проходит лишь несколько троп, о которых знают только местные. Эти знания передаются из поколения в поколение. Нет смысла рисовать карты или объяснять на словах. Чтобы знать проход через ничейные земли, надо пройти там десятки раз — только так можно все правильно запомнить. Никто специально не скрывал эту информацию, просто ее никак не передать чужакам.

Младший носильщик снова что-то сказал, и Лаба перевел. Встретить мертвеца в горах совсем неплохо. Во-первых, все, кто идет в горы, берут с собой много нужных вещей. Часть найденного можно даже продать выгодно. Во-вторых, если опознать мертвеца, то можно получить плату от его семьи за сообщение о гибели их родственника.

Младший носильщик указал на три трупа, и Лаба понял, что это иностранцы, потому что одеты иначе, чем принято в Тибете. Рядом с ними лежали тела тибетцев, видимо, нанятых носильщиков и проводников.

Всем известно, что в вещах иностранцев чаще всего попадается что-нибудь ценное. Но, как правило, такие люди, как Лаба, их не грабят. Среди погибших иностранцев могут оказаться знакомые местных лам. Также, по поводу смерти иностранца обычно начинается расследование, и мародеры в этом случае будут серьезно наказаны. Конечно, у иностранцев всегда есть деньги, которые они обычно отдают носильщикам по возвращении, и редкий антиквариат. Но обменять валюту или продать запрещенный товар очень сложно, если это дойдет до властей или лам, проблем не оберешься.

Но сейчас дело обстояло иначе. Эти иностранцы пришли не из Медога. Их вещи местные не опознают, проблем с продажей ценностей быть не должно.

Пришлось как следует потрудиться, чтобы вытащить из мерзлого снега мешки и рюкзаки мертвецов. А затем они пошли дальше. Описывать все это подробно нет смысла.

На рассвете следующего дня Лаба вышел к пологому склону, где можно было вырыть яму в снегу и укрыться от ветра. Теперь появилась возможность покопаться в найденных вещах.

В рюкзаках было много инструментов и образцов горных пород. Лаба знал, что иностранцы часто уносили из гор разные камни, но понятия не имел, зачем.

Копаясь в сумке и прикидывая, сколько можно выручить за инструменты, тибетцы обнаружили два золотых шара.

Они были спрятаны в жестяной коробке. Вместе с ними там лежал сверток из плотной ткани.

Три спрятанных предмета. Два из них — золото. Если третий предмет так тщательно упакован, может быть, он стоит еще дороже?

Но, развернув ткань, Лаба увидел уродливый черный камень, напоминавший кусок оплавленного металла.

Все это время Молчун изучал единственную вещь из рюкзака, которую оба тибетца посчитали совершенно бесполезной: небольшой блокнот, исписанный убористым почерком на чужом языке.

Лаба покосился на Молчуна и решил пока не беспокоить его. Тибетцы заполучили два золотых шара и думали, что дальше идти им смысла нет. Эти шары стоят больше, чем платит им Молчун. Лаба был в восторге, считая, что сегодня настал самый лучший день в его жизни.

Пока он раздумывал, как оправдать свой уход, Молчун протянул ему блокнот и попросил перевести строчку оттуда.

Эту страницу почти целиком занимал какой-то рисунок, а сбоку была пометка на тибетском языке.

Грамоту Лаба знал плохо, но именно эту фразу прочитать смог. Он часто слышал ее во время службы от лам. Эта фраза означала "предел мира".

Прочитав пометку, Лаба внимательно рассмотрел рисунок, ничего не понял и скорчил недовольную гримасу, сказав Молчуну, что больше ничего сказать об этом не может.

http://tl.rulate.ru/book/89763/2955575